

И. КАНТ О ЗНАНИИ И ВИДАХ ВЕРЫ

Аннотация. Кант понимал под верой прежде всего оценочную категорию, говорящую о степени убеждения субъекта в истинность суждений, а также единственное основание решимости людей совершать те или иные практические действия. Знание и мнение – также оценочные категории, являющиеся итогами теоретического познания. Вера – итог практического познания.

Ключевые слова: Кант, знание, мнение, вера, теоретическое и практическое познание, императивы.

Высказывание Канта “Ich mußte also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen... («Я должен был ограничить знание, чтобы предоставить место вере...»)» [1. S. 32, 33] в советском кантоведении трактовалось как проповедь агностицизма, оправдывающего неприемлемое для марксизма-ленинизма религиозное мировоззрение. В постсоветской России, многие авторитетные кантоведы оправдывают Канта, переводя глагол *aufheben*, имеющий несколько значений, не словом ограничить, но термином приподнять, то есть возвысить знание над верой. Но в обоих случаях слово «вера» понимается одинаково как совокупность религиозных понятий и представлений, говорящих о существовании бога и загробной жизни.

Однако основным значением слова вера (*der Glaube*) Кант считал не исповедание той или иной религиозной системы взглядов и не альтернативный разуму источник знаний, и не условие понимания весьма неочевидной христианской догматики, как полагал Аврелий Августин, которому приписывается авторство фразы *credo ut intelligam* (верую, чтобы понимать). И, конечно же, вера для Канта – отнюдь не предмет гордости очень многих христиан, как если бы ее обретение было их собственной заслугой, и не благодать, то есть не благой дар, которым бог наделяет избранных, но обделяет им тех (не дает им веры), кому он попускает быть иноверцами, атеистами, а то и гонителями христиан. Кант как раз критиковал подобные и многие другие толкования слова вера, более двадцати значений которого рассматриваются в работе «Религия в пределах одного только разума». Слово «вера» для него – это, прежде всего, оценочная категория, которая наряду с мнением и знанием говорит о степени убеждения (*die Überzeugung*) субъекта в истинности тех или иных суждений, далеко не всегда относящихся к религиозным воззрениям.

На высшую ступени убеждения Кант ставит знание (*das Wissen*), которое характеризует суждения математики и естествознания – этих всего лишь двух, как он считал, наук теоретического познания [3, с. 33]. Мнение (*die Meinung*) находится на низшей ступени убеждения, которое состоит в признании субъектом того или иного суждения истинным, хотя ему не хватает ни собственной убежденности (*die Überredung*) в этом, ни надежды на то, что это признание станет общезначимым. Впрочем, мнение может превратиться в знание, как это случается в науке при условии соблюдения субъектом всех норм теоретического познания. Веру Кант считал более твердым убеждением, хотя и подверженным колебаниям из-за теоретической недостаточности ее суждений [1, с. 1037].

Однако, полагал он, вера в отличие от мнения принципиально не может стать знанием, поскольку их предметы радикально отличаются друг от друга и служат они совершенно разным целям. Радикально отличаются и приемы познавательной деятельности, которые в итоге приводят к знанию и вере. Знание, по Канту, может быть итогом лишь теоретического познания, вера – итогом спекулятивного и практического познания. Термины теоретическое познание (*theoretische Erkenntnis*) и практическое познание (*praktische Erkenntnis*) изобретены Кантом и не были известны его современникам, которые рассуждали о рациональном и эмпирическом видах познания и их использовании в теоретических и практических науках, различающихся своими предметами. Предметы первых, как считалось, недоступны произвольным изменениям либо такие изменения нежелательны; предметы вторых не могут возникнуть и существовать без действий людей, направляемых их волей.

Теоретическое познание в кантовской трактовке (в отличие от большинства современных нам) отнюдь не противоположно познанию эмпирическому и, следовательно, не является рациональным. Оппозиция теоретическое-эмпирическое сконструирована так называемой философией науки лишь в XX в. До нее две с лишним тысячи лет слово теоретическое было антонимом лишь практического, что и задавало круг возможных значений этих терминов. Следуя древней перипатетической традиции Кант созерцательное теоретическое познание (от слова *θεωρία* – созерцание, наблюдение) противопоставлял практическому познанию, которое он называл чисто интеллектуальным [7, с. 490], свободным от принуждения чувственности. Разум, сравнивал он два вида познания, «может относиться к своему предмету двояко, а именно: либо просто давать определение (*die Bestimmung*) этому предмету и его понятию (которое должно быть дано другим путем), либо осуществлять его (*wirklich zu machen*). Первое означает теоретическое, а второе – практическое познание разума (*Erkenntnis der Vernunft*)» [1, с. 10].

Основную цель теоретического познания Кант видел не в предсказании будущих неотвратимых событий, не в редчайших открытиях никому дотоле неизвестных явлений, эффектов и законов. Способность к научным открытиям он считал редчайшим талантом отдельных уникалов, которые не способны поделиться

с другими людьми этим даром природы [6, с. 253], и не пытался поэтому в отличие от методологов XVII и последующих веков одарить человечество методом как универсальной отмычкой ко всем тайнам бытия. Главную задачу теоретических разысканий он видел в доступном каждому здравомыслящему человеку познании того, что действительно существует (*da ist*) [1, с. 812], а не мнится или всего лишь воображается.

В существовании (*das Dasein*) того, что есть, невозможно убедиться, утверждал Кант, с помощью одних только логически безупречных рассуждений, а также используя интеллектуальную интуицию (*intellektuelle Anschauung*), которую он исключал из числа познавательных способностей людей [1, с. 437]. В действительном существовании чего-либо мы убеждаемся, считал он, путем определения соответствия созерцаемого предмета тому или иному понятию рассудка, обязательно включающему пространственно-временные и иные чувственно созерцаемые характеристики (например, характерный блеск в понятии металл). Теоретическое познание в кантовской трактовке аналогично процедуре опознания растений, минералов, животных и т.п. с помощью соответствующего определителя, содержащего наряду с вербальным описанием предмета и его изображение.

Предметы рациональных, как считалось тогда, теологии, психологии, космологии (т.е. бог, бессмертная душа, мир в целом) принципиально недоступны созерцанию, и, следовательно, как стал утверждать Кант, недоступны теоретическому познанию, но только спекулятивному [1, с. 812]. Попытки доказать знание этих предметов (истинность своих суждений о них) теоретически, то есть с помощью приемов математики и естествознания, пригодных лишь для познания предметов опыта, рождает только математические и динамические антиномии. В истинность логически непротиворечивых суждений о боге и сотворенных им душе и мире можно лишь верить [1, с. 1035–1037], как верят в истинность всех своих доктрин университетские доктора. Такую форму убежденности Кант называл доктринальной верой (*doktrinale Glaube*), не ограничивая, однако, ее предметную область лишь теологическими дисциплинами. Доктринальной он называл, например, свою твердую веру в существование инопланетян [1, с. 1035], которую в последней Критике он, правда, перевел в разряд мнений.

Кант ограничивал знание не только ради того, чтобы предоставить место для доктринальной веры, и не ради того, чтобы лишний раз обратить внимание на оценочную суть понятий знание, мнение и вера. В докритический период он вполне традиционно видел в вере в существование бога полезное средство для направления нравов. Критический период начался с того, что Кант увидел в вере важнейшую составляющую человеческой жизнедеятельности. Он пришел к выводу, что решения поступать так или иначе, или вообще воздерживаться от каких-либо поступков люди принимают не потому, что знают о будущей успешности или неуспешности предпринимаемых действий, а потому, что верят или не верят в осуществимость своих целей с их помощью. Кант называет убежденность в осуществимости целей практической верой (*praktische Glaube*), которая есть упование на осуществление намерения [2, с. 799] с помощью свободно избираемых способов действий.

Способы действий с вещами и лицами Кант называл практическими правилами поведения, или императивами, поскольку они в отличие от суждений теоретического познания выражаются не в изъявительном, а в повелительном наклонении. Императивы не могут быть истинными или ложными, поскольку говорят о том, чего нет, то есть о действиях, которые они велят совершить, но которые, может быть, никогда и не будут совершены, если на то не будет нашей воли. Императивы могут быть только полезными или вредными, обязательными для исполнения или необязательными, выполнимыми или невыполнимыми. Их можно знать как то, что уже существует в виде умений, изобретенных отдельными гениями или в виде морального закона, который внутри каждого из нас. Но в осуществимость намерения при следовании тому или иному императиву можно только верить. Кант подразделял императивы на правила умения (технические императивы), правила благоразумия (прагматические императивы), позже объединенные с первыми в единой рубрике технически-практических императивов, и правила нравственности (моральный императив в трех его формулировках).

Веру в результативность императивов Кант называл практической и разделял ее на прагматическую веру, относящуюся к умениям (например, веру врача в полезность назначаемого им лечения) [1, с. 1033], и моральную веру в обязательность исполнения нравственных норм. Однако людей, и он это отлично знал, побуждают к поступкам мотивы, то есть представления о желанных результатах их действий. Этими мотивами не могут быть вызывающие одобрение и удивление прекрасные идеи нравственности [1, с. 1021], требующие осуществлять их независимо от обстоятельств места и времени и от угроз собственному благополучию. Для того, чтобы быть действенной, считал Кант, моральной вере не обойтись «без какого-нибудь бога и невидимого нам теперь мира, на который мы возлагаем надежды» [там же], вера в существование которых мотивирует людей на реализацию ими столь симпатичных им идей нравственности. Предметы религиозной вера оказываются не плодом фантазии, вышедшей из под контроля разума, но создаются самим разумом.

Это созидание, по Канту, происходит в процессе практического познания, цель которого – создание представления о том, что должно существовать (*was dasein soll*) [1, с. 812], и путей превращения этого должного в действительное (*wirklich zu machen*), в существующее. Практическое познание, которое Кант трактует как

мысленное осуществление предмета желания, есть по сути, проектирование, в ходе которого проясняются детали будущего предмета и способы их соединения, а первоначально смутный замысел приобретает все более четкие очертания. Его мало интересовали инженерные проекты (слово проект еще не стало употребимым в немецких землях) и благоразумные проекты по достижению личного и всеобщего счастья.

Гораздо больше его интересовали созданные самим разумом религиозные представления, вера в которые инициирована моральными исканиями людей. Однако главный интерес для Канта представляло общественное устройство, в котором доминируют право и мораль, исповедующие, один и тот же категорический императив, запрещающий использовать лицо только как средство. Он объяснял свой мотив тем, что человеку, который уважает моральный закон не избежать мысли, «какой мир, руководствующийся практическим разумом, он создал бы, если бы это было в его силах, и притом так, чтобы и сам он оставался в нем как его часть...» [5, с. 10]. Детальный проект такого устройства (свою практическую философию) Кант изложил в правовой и этической частях Метафизики нравов, которую каждый человек имеет в себе, хотя обычно в довольно туманном виде [4, с. 237]. Он верил, что моральный прогресс человечества в конце концов осуществит не только в мыслях результат его практического познания и то, что должно существовать (was dasein soll) обретет существование (Dasein). Нам же остается только ожидание.

Библиографический список:

1. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука. 2006. Т. 2. Ч. 1. 1081 с.
2. Кант И. Критика способности суждения. М. : Наука. 2001. Т.4. 1120 с.
3. Кант И. Пролегомены. М. : «Чоро». 1994. Т. 4.
4. Кант И. Метафизика нравов. М. : «Чоро». 1994. Т. 6. С. 224–567.
5. Об изначально злом в человеческой природе. М. : Наука. 1965. Т.4. Ч.2. С.5–57.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. М. : Чоро. 1994. Т.7. С.137–376.
7. Кант И. Статьи и письма разных лет. М. : Чоро. 1994. Т. 8. 718 с.

Болотнова Е. В.

МЕТАЛОГИКА Н. А. ВАСИЛЬЕВА И ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БОЖЕСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ

Аннотация. В рамках данной работы будут рассмотрены логические положения Н. А. Васильева, а именно его металогики, и вопросы, связанные с теологической трактовкой данного: рациональное понимание бога и его познаваемость рациональными способами.

Ключевые слова: металогики, неклассическая логика, рациональность, метафизика.

Проблема рационального осмысления божественного является классической в истории мысли. Начиная с формирования логики вопрос о ее применении к богу был на острие. Попытки уже осуществлял Аристотель, определяя свою логику в контексте теории познания. В последующее время в Средние века уже апофатическое богословие высказывало позицию невозможности объяснения бога при помощи категорий, свойственных человеческому мышлению. Следует отметить разнообразие позиций по данному вопросу, который, фактически, можно свести к одному: рационален ли бог?

Для более обширной аналитики этого вопроса интересным будет обращение к отечественной мысли. Николай Александрович Васильев часто именуется философом, этиком и психологом, но при этом он внес достаточное количество ценных идей в рамках неклассической логики. Как и многие другие его работы, некоторые, содержащие идеи по логике, превосходили его современников и были не приняты, даже, более, именно не поняты полностью. В рамках данной работы хотелось бы обратиться как раз к его логическим положениям. При этом более рассмотренным является другой аспект его логики – воображаемая логика. Действительно, можно встретить большое количество работ по данному вопросу. Но кажется более важным рассматривать его учение в комплексе. Ведь металогики непосредственно связана с теологическими вопросами, так затрагивающими умы всех мыслителей и сердца обывателей. Именно фундаментальностью вопросов религии объясняется такая необходимость обзора и аналитики идеи о металогики Н. А. Васильева.

Для начала обратимся к онтологическим обоснованиям его рассуждений. Для Н. А. Васильева возможно вообразить другие миры, отличные от нашего. Данная множественность миров становится основным тезисом, на основании которого разворачивается его последующая аргументация. Она позволяет утверждать наличие и других логик, по которым функционируют другие миры. Для нас возможно «вообразить себе мир, где обобщения из опыта, а значит и логика, будут иными, чем у нас» [3, с. 57].

При этом любая логика состоит из частей рациональной и эмпирической, даже более эмпирико-рациональной. Вторая представляет собой логику апостериорных суждений, которые, естественно, не могут быть всеобщими. Обратив внимание на различные аналитические работы, рассматривающие данный вопрос,